

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/1813-145X_2023_3_132_165

EDN: BKYWGZ

Имперское и советское: образ тирана и проблема власти в творчестве Н. С. Лескова и И. А. Бродского

Анна Александровна Федотова

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. В статье поднимается актуальный вопрос о преемственности И. А. Бродского по отношению к русской культурной традиции, который рассматривается более широко, чем проблема непосредственного интертекстуального взаимодействия. Автор опирается на концепцию М. М. Бахтина о диалоге текстов в «большом времени», когда типологические текстовые пересечения не мотивируются сознательной авторской ориентацией на заимствование. В основе статьи обращение Бродского к одному из ключевых для русской культуры XIX–XX вв. вопросу — вопросу власти. Проблема отражения различных идеологических вопросов в творчестве поэта обширна, поэтому автор сосредотачивается на анализе одного из ее аспектов — образа тирана, в политических стихах Бродского одного из лейтмотивных. В качестве же автора, с которым Бродский вступает в диалог в «большом времени», рассматривается Н. С. Лесков. Главное основание для сопоставления в данном случае — сам литературный материал, а именно обращение к образу тирана при размышлении над проблемами отечественной власти. Отталкиваясь от сходства материала, возможно провести исследование в сопоставительном ключе, которое позволяет продемонстрировать то новое, что свойственно подходу Бродского к проблеме власти, по сравнению с русской классической литературой, и в то же время наметить линии пересечения принципиально разных подходов в рамках тем не менее общей литературной традиции.

Ключевые слова: Н. С. Лесков; «Иродова работа»; И. А. Бродский; «Речь о пролитом молоке»; «Развивая Платона»; «Одному тирану»; «Резиденция»; «О тирании»; интертекстуальность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995,
<https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А. С. Имперское и советское: образ тирана и проблема власти в творчестве Н. С. Лескова и И. А. Бродского // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 3 (132). С. 165–172.
http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_3_132_165. <https://elibrary.ru/BKYWGZ>

HISTORICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

Original article

Imperial and soviet: the image of a tyrant and the problem of power in works of N. S. Leskov and I. A. Brodsky

Anna A. Fedotova

Doctor of philological sciences, associate professor of the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. The article raises the topical issue of the continuity of I. A. Brodsky in relation to the Russian cultural tradition, which is considered more broadly than the problem of direct intertextual interaction. The author relies on M. M. Bakhtin's concept of the dialogue of texts in the «big time», when typological text intersections are not motivated by a conscious author's orientation to borrowing. The article is based on Brodsky's appeal to one of the key issues for

Russian culture of the XIX-XX centuries — the issue of power. The problem of reflecting various ideological issues in the poet's work is extensive, so the author focuses on the analysis of one of its aspects — the image of the tyrant, which is one of the leitmotives in Brodsky's political poems. N. S. Leskov is considered as the author with whom Brodsky enters into a dialogue in the «big time». The main basis for comparison in this case is the literary material itself, namely the appeal to the image a tyrant when thinking about the problems of domestic power. Based on the similarity of the material, it is possible to conduct a comparative study that allows us to demonstrate the new features of Brodsky's approach to the problem of power in comparison with Russian classical literature, and at the same time to outline the lines of intersection of fundamentally different approaches within the framework of nevertheless a common literary tradition.

Keywords: N. S. Leskov; «Herod's Work»; I. A. Brodsky; «Speech about spilled milk»; «Developing Plato»; «One Tyrant»; «Residence»; «About Tyranny»; intertextuality

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23 28 00995, https://rscf.ru/project/23_28_00995/

For citation: Fedotova A. A. Imperial and soviet: the image of a tyrant and the problem of power in works of N. S. Leskov and I. A. Brodsky. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023; (3): 165-172. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_3_132_165. <https://elibrary.ru/BKYWGZ>

Введение

И. А. Бродский в зрелый период своей жизни, когда его спрашивали о самоидентификации, отвечал кратко: «Я — еврей, русский поэт и американский гражданин» [Цит. по: Лосев]. Сложно определяя собственную национальную идентичность, Бродский тем не менее настаивал на своей укорененности именно в русской культурной традиции. В плане прямых заявлений особенно это проявилось, конечно, уже в годы жизни на Западе, когда писатель не только преподавал отечественную литературу американским студентам, но и выступал за защиту русской классики (см., например, его статью «Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому» (1985).

Вопрос о преемственности Бродского по отношению к русской культуре на данный момент поставлен преимущественно в плане исследований общего биографического характера [Лосев, 2008]. Кроме того, среди многочисленных работ, направленных на изучение различных аспектов поэтики писателя [Ахапкин, 2018; Богданова, Власова, 2021; Бурая, 2021; Бурая, Богданова, 2022; Как работает стихотворение Бродского, 2002; Чаунина, 2019; Ishov, 2017], выделяется монография А. Ранчина, посвященная в том числе интертекстуальным связям творчества Бродского с русской поэзией XIX в. [Ранчин, 2001]. Между тем вопрос о сосуществовании в русле культурной традиции — это вопрос, который, безусловно, может быть реализован более широко, чем только как проблема непосредственного интертекстуального взаимодействия. В связи с этим можно вспомнить концепцию М. М. Бахтина о диалоге текстов в «большом времени», когда типологические текстовые пере-

сечения не мотивируются сознательной авторской ориентацией на заимствование.

С этой точки зрения актуальным представляется обращение Бродского к одному из ключевых для русской культуры XIX-XX вв. вопросу — вопросу власти. Проблема отражения различных идеологических вопросов в творчестве поэта обширна, поэтому мы сосредоточимся на анализе одного из ее аспектов — образе тирана, который в политических стихах Бродского является одним из лейтмотивных. В качестве автора, с которым Бродский вступает в диалог в «большом времени», будет рассмотрен Н. С. Лесков. Главное основание для сопоставления в данном случае — сам литературный материал, а именно обращение к образу тирана при размышлении над проблемами отечественной власти. Отталкиваясь от сходства материала возможно провести исследование в сопоставительном ключе, которое позволяет продемонстрировать то новое, что свойственно подходу Бродского к проблеме власти по сравнению с русской классической литературой, и в то же время наметить линии пересечения принципиально разных подходов в рамках тем не менее общей литературной традиции.

Рассмотрение произведений Лескова и Бродского, посвященных проблеме власти, начинающееся с анализа важного для них образа тирана, в конечном итоге направлено на анализ дискурса о власти, каким он сложился в среде русской интеллигенции имперского и советского периодов существования России. Сделанные в ходе анализа выводы о принципиальном сходстве в специфике риторического конструирования образа власти у двух далеких на первый взгляд писателей говорит также о сходстве авторских мировосприятий, обусловленных как личностными

факторами, так и схожими стратегиями реализации властных отношений двух различных исторических периодов развития российского общества.

Основная часть

Русская литература XIX в. времени расцвета Российской Империи оставила немало произведений, посвященных осмыслению различных аспектов проблемы власти. Произведения Н. С. Лескова, благодаря которым он вошел в ряд первых русских классиков («Очарованный странник», «Запечатленный ангел», «Соборяне»), на фоне произведений А. И. Герцена или М. Е. Салтыкова-Щедрина кажутся значительно менее политически ангажированными. Между тем писатель никогда не был чужд проблемам политики: от своего раннего творчества с печально известным «Некуда» до «Левши» с его резкой и ироничной критикой последних лет правления Николая I.

Образ тирана создается Лесковым в цикле очерков, посвященных политике Российской Империи в Остзейском крае, в частности в очерке «Иродова работа» (1882 г.). Материалом для очерка Лесков избрал период правления в Остзейском крае А. А. Суворова (1848-1861). Писатель сравнивает Суворова с фигурой, ставшей олицетворением тирании как таковой. Ирод I (ок. 74-73 гг. до н. э. — 4 (1) до н. э.), чье имя стало нарицательным, вошел в историю как правитель, последние годы царствования которого характеризуются особой жестокостью. С «иродовой работой» писатель сравнивает преследования генерал-губернатором детей раскольников, о которых он узнал из архивных материалов. Между тем строгая документальность отнюдь не является основной тональностью произведения. Добавить эмоциональной силы очерку Лескова помогает настойчивая апелляция к евангельскому контексту, в частности соотнесение образов генерал-губернатора и Ирода. Для этого писатель дополняет произведение эпиграфом «Глас в Рааме слышан бысть плача и рыдания и вопля: Рахиль плачущися чад своих и не хотяще утешитися, яко не суть» (Иеремия, 31, 15)» [Лесков, 2010, с. 89]. Показательно, что источником этой цитаты выступает, как указывает сам автор, атрибутируя ее, книга пророка Иеремии (глава 31, стих 15). Между тем более широко известен не этот контекст бытования цитаты, а фрагмент Евангелия от Матфея, посвященный эпизоду избияния младенцев, в который евангелист добавляет цитату из книги пророка Иеремии.

Приводя как ветхо-, так и новозаветный контексты, Лесков значительно расширяет смысловое поле очерка. От эпизода избияния младенцев в Вифлееме он уходит еще значительно дальше в прошлое, к событиям вавилонского пленения иудейского народа, свидетелем которых и выступал пророк Иеремия. Писатель углубляет исторический фон произведения и проводит параллель между насильственными событиями прошлого и настоящего, подчеркивая жестокость русской власти по отношению к раскольничьему населению края. Основанием для этой параллели выступает тот факт, что когда были закрыты раскольничьи школы и дети раскольников оказались практически на улице, властями было отдано распоряжение о «дозволении отдавать в батальоны военных кантонистов без изъятия всех бродяжничающих в городе (!) и нищенствующих малолетних раскольников» [Лесков, 2010, с. 99]. Именно этот эпизод деятельности князя Суворова становится центральным в очерке. Лесков пишет о его последствиях в высокой торжественной стилистике: «Стон, плач и сетование огласили московское предместье Риги. “Это был плач в Рааме, — говорят староверы на своем торжественном языке. — Рахиль рыдала о детях своих и не хотела утешиться”. Князь Суворов не ослабевал: Бог продолжал быть “невластен в его сердце”, и “иродова работа” кипела» [Лесков, 2010, с. 99]. Писатель еще не раз повторит лексему «плач» и сочетание «иродова работа» в контексте описания деятельности Суворова, используя эти образы как своеобразные лейтмотивы очерка.

Лейтмотивом очерка становится и характеристика, данная светлейшему князю староведами, дополняющая создаваемый Лесковым образ тирана: «О светлейшем Суворове остзейские русские староверы вспоминают с ужасом как о биче Божиим, “в мыслях которого, по их мнению, сам Господь не был властен”» [Лесков, 2010, с. 96]. Лесков видит в непредсказуемости распоряжений Суворова и необъяснимой жестокости его поступков по отношению к русским раскольникам, во-первых, результат «природных свойств князя, к чему никто не может иметь претензии, так как, по раскольничьему определению, “сам Бог не был властен в его мыслях”» [Лесков, 2010, с. 121]. Во-вторых, писатель указывает и на причины социальные, подчеркивая исконно русские причины этого преклонения: «от того особенного русского образования, которое князь получил в особенных русских заведениях, где ничто не

приготовляет людей к деловитости, а дает им только что-то вроде чего-то» [Лесков, 2010, с. 121].

От психологической характеристики главного героя очерка Лесков в финале переходит к обобщению, касающемуся специфики российской имперской власти в целом: «При сердечной доброте князя, о которой так много рассказывают, его поступок с раскольничьими детьми был бы совершенно непонятен, если бы для него не существовало традиционного объяснения в довольно общей склонности многих наших деятелей созидать страхи, дабы подавлением их рельефнее выставлять свою деятельность. <...> Суворов был чрезвычайно верным выразителем этой русской школы, с самого начала своей государственной карьеры, когда он еще юношею седлал коня для одного поля, а выезжал на другое. Вся жизнь его была вариациями к этой художественной увертюре, исполненной в молодецком тоне, известном у нас под названием “neglige с отвагой”. Люди германского образования в этой манере не играют: они для этого слишком педантичны» [Лесков, 2010, с. 124-125]. В этом ироничном обобщении Лесков подводит итог своих рассуждений. Писатель вновь подчеркивает, намекая на участие Суворова в восстании декабристов на Сенатской площади и быстрое изменение взглядов после поражения, на отсутствие у государственного чиновника четких политических убеждений, стремление из всего извлечь выгоду и оправдание насильственным методам управления по отношению к собственному населению, в данном конкретном случае — раскольникам и их детям. Последнее качество (стремление созидать страхи как мотивацию к насилию) Лесков видит типологической чертой имперской власти в целом. Писатель противопоставляет этой «небрежной отваге», в основе которой лежит безответственность власти со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями управления, немецкому подходу, основанному на рациональных принципах и характеризующемуся большой степенью толерантности.

Произведения Бродского, в которых поэт обращается к проблеме власти, отделяют от очерков Лескова около 80 лет, и тем не менее этот небольшой по хронологическим рамкам период насыщен такими историческими событиями, которые принципиально изменили жизнь России. Революция, гражданская война, сталинский террор, наконец, Великая Отечественная война 1941-1945 гг. заставили русскую литературу пе-

реосмыслить многие идеалистические представления, характерные для XIX в., в том числе касающиеся власти и общества. Острота этой проблемы для Бродского определялась и личными особенностями его биографии. Несогласие с идеологией советского государства к открытому столкновению с ним, которое выразилось в аресте, суде, ссылке, а затем и вынужденной эмиграции из Советского Союза. Названные обстоятельства общей и частной истории привели к тому, что образы власти заняли постоянное место в лирике поэта, а размышления над спецификой этого явления отразились в ряде прозаических выступлений писателя, в частности эссе «О тираннии» (1980).

Между тем бросается в глаза совпадение основного ракурса Лескова и Бродского: размышляя о власти — писатели ставят во главу угла взаимоотношения власти и частного человека (об антропоцентрической парадигме русской литературы см., например [Андреева, 2018]), что, безусловно, уходит корнями в архетипический для русской литературы в этом аспекте текст — «Медный всадник» А. С. Пушкина. Первая характерная черта подхода Бродского, которая бросается в глаза, по сравнению с классическим подходом, — личностность его лирики: в прямое столкновение с властью, системой вступает сам лирический герой, что придает конфликту особую остроту. Интенсивность эмоционального накала стихотворений Бродского усиливается в том случае, когда лирический герой наделяется отчетливо автобиографическими чертами, как это происходит, например, в небольшой поэме «Речь о пролитом молоке» 1967 г. Она построена на противопоставлении коллективного, которое у поэта вызывает безусловные аналогии с советской идеологией, и частного, индивидуального. Власть в этой поэме — источник насилия над частным человеком, и основанием для оправдания этого насилия выступают именно идеологические мотивы.

В «Речи о пролитом молоке» появляется характерное для Бродского наименование лидера государства, в чьих руках сосредоточена власть, как тирана. Вписанная в ряд безусловных общественных аномалий «чехарда тиранов» тем не менее интерпретируется Бродским как нечто абсолютное системное, повторяющееся. Если тиранья власти у Лескова подавалась как неестественная и требующая исправления (на возможность которого указывает, например, подчеркивание недолжного уровня образования чиновни-

ков у власти), то Бродский, безусловно понимая ненормальность тирании, тем не менее изображает ее как явление, ставшее обыденным, давно потерявшее свою исключительность.

Показательно в связи с этим стихотворение Бродского «Развивая Платона» (1976). Стихотворение навеяно знаменитыми размышлениями Платона об идеальном государстве, изложенными в диалоге «Государство». Бродский создает собственный, наполненный трагизмом и горькой иронией, вариант идеального города. Город, о жизни в котором «мечтает» лирический герой, — это воплощение стабильности и упорядоченности, что на уровне текста реализуется в употреблении конструкций, указывающих на повторяемость действий («Чтобы там была Опера, и чтоб в ней ветеран-тенор исправно пел арию Марио по вечерам» [Бродский, 2001б, с. 122], «По отсутствию дыма из кирпичных фабричных труб я узнавал бы о наступлении воскресенья» [Бродский, 2001б, с. 122]). Гармония города — это гармония природы и человека, гармония истории и современности, гармония высокой культуры и повседневности. Однако за этим идеальным фасадом скрывается господство авторитарного государства — не случайно, словно вскользь, Бродский упоминает, кем управляется идеальный город: «чтоб тиран ему аплодировал в ложе, а я в партере бормотал бы, сжав зубы от ненависти: «баран» [Бродский, 2001б, с. 122]. За нарисованной идиллией скрывается общество, в котором, несмотря на уже заключенный «общественный договор», царит, если воспользоваться выражением Томаса Гоббса, которого Бродский, кстати, упоминает в «Речи о пролитом молоке», «война всех против всех».

Скрытая враждебность общества по отношению к индивиду, впрочем, не может долго скрываться, и законы насилия, на которые поэт намекает в первой части стихотворения, прорываются наружу в его четвертой, заключительной части. Характерно, что объектом насилия становится сам лирический герой, как и в «Речи о пролитом молоке». Противопоставление внутреннего безобразия и внешнего величия, которое читалось между строк на протяжении всего текста, в финале прорывается наружу. Показательно, что в последних словах стихотворения с горькой иронией звучит тема Родины («Vive la Patrie»). Родины, которой лирический герой оказывается не нужен, которая, более того, готова уничтожить его. Конфликт государства, власти и индивида здесь достигает своей кульминационной точки.

Расширяя историческую перспективу, чуть выше, начиная последнюю часть стихотворения, Бродский пишет:

И там были бы памятники. Я бы знал имена
не только бронзовых всадников, всунувших в
стремена
истории свою ногу, но и ихних четвероногих,
учитывая отпечаток, оставленный ими на
населении города.

[Бродский, 2001б, с. 123]

Отсылая читателей к «Медному всаднику» А. С. Пушкина, Бродский проводит параллель между советским настоящим и имперским прошлым России: ориентация на сильное государство приводит к свободному применению насильственных мер по отношению к частному человеку, в конфликте «власть — человек» приоритет всегда остается за властью, и трагизм этой ситуации, по Бродскому, еще усиливается из-за того, что общество, «толпа», оправдывает и даже ищет подобный стиль управления.

Изображение тирана как части городского пейзажа, свойственное стихотворению «Развивая Платона» («чтоб Тиран ему аплодировал в ложе» [Бродский, 2001б, с. 122]), в целом характерно для творчества Бродского. Пожалуй, наиболее явно эта особенность прослеживается в двух стихотворениях, напрямую и исключительно посвященных созданию образа тирана — «Одному тирану» (январь 1972) и «Резиденция» (1983). Для этих стихотворений характерно то, что, в отличие от уже проанализированных, в них отсутствует ярко выраженный конфликт власти и индивида, связанный, в частности, с образом самого лирического героя. Явная эмоциональность уходит в лирический подтекст, не теряя, впрочем, своей остроты.

Так, стихотворение «Одному тирану» (показательна высокая степень обобщенности текста) строится на предельно бытовой ситуации — посещении тираном кафе. Философский подтекст добавляет тексту излюбленная для поэта тема времени: в основе стихотворения — соотнесение прошлого тирана («он здесь бывал: еще не в галлифе — в пальто из драпа; сдержанный, сутулый» [Бродский, 2001б, с. 9]) и его настоящего («порой, перед закрытьем, из театра он здесь бывает, но инкогнито» [Бродский, 2001б, с. 9]). При этом вся политическая деятельность тирана сосредотачивается буквально в одной фразе, поданной мимоходом, как некоторое случайное событие между минутами отдыха: «Арестом завсегдаев кафе покончив позже с мировой культу-

рой» [Бродский, 2001б, с. 9]. Намек на политические репрессии 1935-1938 гг. (в 1938 г. в результате репрессий погиб О. Э. Мандельштам, назвавший «тоской по мировой культуре» акмеизм) вносит заметный диссонанс в практически идиллическую картину пьющего свой кофе тирана. Однако диссонанс этот возникает только на уровне «автор — читатель», в воспринимающем текст сознании, в самом же тексте стихотворения он остается без всякой оценки.

Горько ироничным становится стихотворение в его последних строчках: союз тирана и народа не может нарушить даже смерть. Несмотря на постоянно упоминающееся в стихотворении Время, нарисованная в произведении картина предельно статична, что подчеркивается кольцевой композицией (тиран за чашкой кофе — этим образом текст и начинается, и заканчивается). На уровне композиции Бродский демонстрирует, что стабильность, повторяемость — и есть тот главный фактор, на котором держится безоглядная любовь народа к тирану, с одной стороны, и власть тирана — с другой. Показательно, что об этом Бродский писал и в своем эссе «О тирании»: «То, что порой кажется чистой в верхах, воспринимается народом как попытка поддержать устойчивость, на которую народ-то и рассчитывал в первую очередь, когда позволял тирании укрепиться» [Бродский, 2001в, с. 85]. Мир, созданный в стихотворении, — это предельно закрытая система, то есть, по Бродскому, мир абсолютного тоталитаризма, страшного в своей специфической, как это точно продемонстрировано поэтом, притягательности для человека.

Подобная же безобразная идиллия создана Бродским в небольшом, состоящем всего из двух развернутых строф, стихотворении «Резиденция». Как и в стихотворении «Развивая Платона», перед читателем создается картина абсолютно гармоничного пространства, в котором природа и культура вступают в кажущийся таким прекрасным союз. Однако теперь эта гармония воплощается не на уровне города, а на уровне одного отдельно взятого дома, приближаясь к точке зрения тирана.

Финальные фразы стихотворения резко опрокидывают восприятие читателя, до этого получившего эстетическое удовольствие от текста, своей неожиданной этической остротой. Сильный контраст создается буквально в одной фразе за счет объединения, казалось бы, необъединимого, но вполне уравниваемого в сознании изображенного тирана: подсчеты (видимо, финансо-

вые, судя по количеству цифр) и очередное прослушивание записей от пыток сына. В этом стихотворении, в отличие от предыдущих, контраст между внешне идеальной жизнью тирана (или общества, как в стихотворениях «Речь о пролитом молоке» или «Развивая Платона») и ее внутренним беспредельным ужасом создается благодаря выбору наиболее этически однозначной ситуации: в альтернативе между властью и семейными связями, когда они оборачиваются любой возможностью соперничества (сын — наследник), тиран делает свой выбор в пользу власти. Упоминание об убитом сыне позволяет Бродскому создать предельно обобщенный образ тирана, в котором соединились бы представители разных эпох: убийство наследников приписывают и Ивану IV Грозному, и Петру I, и даже, как уже было сказано выше, Ироду I.

Заключение

По интересному наблюдению Керстин Хольм, «всякий, кто пытается зафиксировать российскую историю в соответствии с гегельянским мышлением как некое линейно развивающееся, поступательное действие, не понимает ее сути. Ни одна эпоха здесь не завершается, ни одна проблема не решается. Вопрос о том, стоили ли реформы Петра Великого, обеспечившие стране модернизацию и расцвет, жизнью тьмы крепостных, которыми были оплачены царские мегапроекты, по сей день не утратил своей актуальности и продолжает обсуждаться» [Хольм]. Сделанный в статье анализ в большой степени подтверждает правоту данного высказывания, по крайней мере применительно к интересующей нас проблеме — проблеме преемственности в изображении российской власти, реализующейся в обращении к одному и тому же образу — образу тирана, в произведениях писателя эпохи классической русской литературы, Лескова, и писателя, жившего в годы существования Советского Союза, Бродского. Несмотря на принципиальную разницу эпох и контекстов, в произведениях писателей, посвященных изображению тирана, проблеме власти и — шире — сосуществованию власти и общества, наблюдается несомненное родство. Власть и у Лескова, и у Бродского предстает как источник насилия по отношению к частному человеку, причем жестокость насильственных мер никак не мотивируется степенью вины индивида перед обществом, даже наоборот, индивид изображен как абсолютно невиновный. В связи с этим и Лесков, и Бродский апеллируют к одному и тому

же устойчивому образу — образу тирана как воплощению абсолютного своеволия и жестокости.

В очерке Лескова «Иродова работа» предугаданы такие черты авторитаризма, как стремление «созидать страхи» и затем манипулировать на этих страхах. Бродский, живший в эпоху авторитарного советского общества и непосредственно столкнувшийся с преследованием со стороны государства, обращает внимание в своих произведениях и на другие основополагающие черты подобного рода общества, в частности свободное применение репрессивных мер против собственных граждан.

Образ тирана у Бродского имеет и ряд новых черт относительно того образа, который сложился в классической литературе, в частности у Лескова. Если зло и власть у Лескова масштабны, а высокопоставленный имперский чиновник приобретает черты Ирода I, то Бродский постоянно указывает на мелкость личности тирана. Как точно сформулировал писатель свои взгляды в эссе «О тирании», «жужжащая скука программы партии, серый, неприметный вид ее вождей привлекают массы как собственное отражение. В эпоху перенаселенности зло (равно как и добро) так же посредственны, как их субъекты. Хочешь быть тираном — будь скучен» [Бродский, 2001в, с. 87]. Если в русской литературе XIX в. власть как источник насилия обычно принципиально противопоставлена «маленькому» человеку, то тиран у Бродского наделяется многими атрибутами этого типа героя, он плоть от его плоти, зло в произведениях Бродского тем страшнее, чем оно обыденнее или «банальнее» [Арендт], если вспомнить точное выражение Ханны Арендт.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 13-22.
2. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. Москва : Европа, 2008. 424 с.
3. Ахапкин Д. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37-56.
4. Богданова О. В. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129-148.
5. Бродский И. Резиденция. URL: <https://www.culture.ru/poems/30819/rezidenciya> (дата обращения: 20. 04. 2023).
6. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001а. 440 с.

7. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001б. 312 с.

8. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 5. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001в. 376 с.

9. Бурая М. А. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского / М. А. Бурая, О. В. Богданова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17-27.

10. Бурая М. А. Стихотворение «Presepjo» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditorum. 2021. Вып. 37. С. 6-16.

11. Как работает стихотворение Бродского. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 304 с.

12. Лесков Н. С. Иродова работа. Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. Санкт-Петербург : Пушкинский дом, 2010. 572 с.

13. Лосев Л. В. Бродский как еврей URL: <https://biography.wikireading.ru/62797> (дата обращения: 20. 04. 2023).

14. Лосев Л. В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва : Молодая гвардия, 2008. 479 с.

15. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.

16. Хольм К. Мои 22 года в России URL: https://pikabu.ru/story/kerstin_kholm_moi_22_goda_v_rossii_1775604. (дата обращения: 20. 01. 2023).

17. Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. № 6. С. 232-241.

18. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1-2. P. 121-163.

Reference list

1. Andreeva V. G. Chelovek i problema antropocentrizma v russkom romane vtoroj poloviny XIX v. = Man and the problem of anthropocentrism in the Russian novel of the second half of the XIX century. // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 4. S. 13-22.
2. Arendt H. Banal'nost' zla. Jekhman v Ierusalime = Banality of evil. Eichmann in Jerusalem. = Moskva : Evropa, 2008. 424 s.
3. Ahapkin D. «Istochniki sveta» Iosifa Brodskogo = «Sources of Light» by Joseph Brodsky // Zvezda. 2018. № 5. S. 37-56.
4. Bogdanova O. V. «Inogda chuvstvuyu sebja Shekspirom...» (intertekstual'nye plasty «Piligrimov» I. Brodskogo) = «Sometimes I feel like Shakespeare...» (intertextual layers of the Pilgrims by I. Brodsky) / O. V. Bogdanova, E. A. Vlasova // Nauchnyj dialog. 2021. № 8. S. 129-148.

5. Brodskij I. Rezidencija = Residence. URL: <https://www.culture.ru/poems/30819/rezidenciya> (data obrashhenija: 20. 04. 2023).
6. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo = Writings of Joseph Brodsky: v 7 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001a. 440 s.
7. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo = Writings of Joseph Brodsky: v 7 t. T. 3. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001b. 312 s.
8. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo = Writings of Joseph Brodsky: v 7 t. T. 5. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001v. 376 s.
9. Buraja M. A. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdstvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, chego» I. Brodskogo = The supertext unity of Christmas, Italian and love pretexts in I. Brodsky's «I was only what» / M. A. Buraja, O. V. Bogdanova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 17-27.
10. Buraja M. A. Stihotvorenje «Presepjo» v kontekste rozhdstvenskogo cikla I. Brodskogo = Poem «Presepjo» in the context of the Christmas cycle of I. Brodsky // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6-16.
11. Kak rabotaet stihotvorenje Brodskogo = How Brodsky's poem works. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 304 s.
12. Leskov N. S. Irodova rabota. Russkie kartiny, nabljudenija, opyty i zametki = Herod's work. Russian paintings, observations, experiments and notes. Sankt-Peterburg : Pushkinskij dom, 2010. 572 s.
13. Losev L. V. Brodskij kak evrej = Brodsky as a Jew. URL: <https://biography.wikireading.ru/62797> (data obrashhenija: 20. 04. 2023).
14. Losev L. V. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii = Joseph Brodsky: experience of literary biography. Moskva : Molodaja gvardija, 2008. 479 s.
15. Ranchin A. «Na piru Mnemosiny»: interteksty Brodskogo = «At the feast of Mnemosyne»: intertexts of Brodsky. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 462 s.
16. Hol'm K. Moi 22 goda v Rossii = My 22 years in Russia URL: https://pikabu.ru/story/kerstin_kholm_moi_22_goda_v_rossii_1775604. (data obrashhenija: 20.01.2023).
17. Chaunina N. V. Osobennosti voploshhenija kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» = Features of implementing communicative strategies in the poem by I. Brodsky «We are talking about spilled milk» // Nauchnyj dialog. 2019. № 6. S. 232-241.
18. Išov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1-2. P. 121-163.

Статья поступила в редакцию 21.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 21.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 19.05.2023.